

АНАТОЛИЙ РАЙТАРОВСКИЙ
АЗАРТ ПРОСТАКОВ

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОГО КОЛОКОЛА

Библиотека журнала Русский колокол

Анатолий Райтаровский

Азарт простаков

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Райтаровский А.

Азарт простаков / А. Райтаровский — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Библиотека журнала Русский колокол)

ISBN 978-5-00153-210-1

Влекомов, сотрудник оборонного НИИ, посещает бывшую супругу с намерением вкусно поесть и немного выпить. Выясняется, что бывшая увлеклась идеей быстрого обогащения путем призовой торговли. Пытаясь её образумить, Влекомов сам впутывается в сомнительное дело, собирая компромат на организаторов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-210-1

© Райтаровский А., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

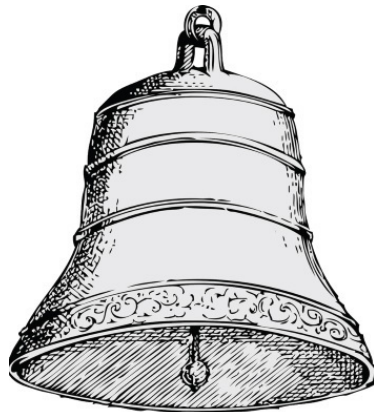
Содержание

Азарт простаков. Роман с отступлениями	6
1	7
2	9
3	13
Сказ о Ленке	13
4	16
О Лидочкином рекорде	18
5	21
Сказ о Танкобанке	22
6	26
Сказ о Ванечке	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анатолий Райтаровский

Азарт простаков

Библиотека журнала «Российский колокол»

© Анатолий Райтаровский, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Окончил Ленинградский военно-механический институт.

С 1974 по 1980 гг. был одним из авторов РЕПРИЗ «КАБАЧКА 13 СТУЛЬБЕВ», публиковал в газетах и журналах так называемые «ФРАЗЫ», в XXI веке перешел к крупным литературным формам – повестям и романам, большая часть которых нашла своих читателей в интернет-издательстве «САМИЗДАТ», всего 2 романа и 5 повестей, сборник афоризмов.

Азарт простаков. Роман с отступлениями

Совпадение описываемых событий и персон с реальными является случайным.

1

Телефонные звонки однообразны и скучны, как будни пенсионера.

На мобильнике можно, конечно, изменить мелодию или хотя бы громкость звонка и тем самым на некоторое время освежить своё восприятие жизни. Но вскоре будничная одинаковость станет брать своё в новом ритме и тональности – не успеешь нарадоваться.

Так и Эмилия, мент и супруга в отставке, перепробовала все пять мелодий своего аппарата и остановилась на самой мажорной – двойная радость получалась.

Это в молодости бесконечные телефонные домогательства сбрендивших поклонников докучали и раздражали. Особенно – когда в трубке звучал голос опостылевший, а не долгожданный. Теперь же – почти любой звонок в радость.

Правда, содержание бесед далеко не всегда соответствовало мажорности мелодии звонка. *На вечеринки зовут реже, чем на поминки, – издержки пенсионного возраста.*

Но случались и приятные сюрпризы. Всего полгода назад Влекомов, экс-супруг, пригласил в театр, в Мариинку! На «Самоцветы»! Места оказались во втором ярусе, так сказать, экономкласса. Но зрелище – первоклассное! Она вспоминает его почти ежедневно.

Эти сумбурные соображения проскочили в голове Эмилии, пока она бежала к радостно бренчащему телефону. По пути успела подкрутить вентиль газовой горелки, на которой в чайнике плавился воск.

Эмилия подрабатывала изготовлением церковных свечей. Но не простеньких, а художественных: пасхальных, венчальных, крестильных.

Формы для них разрабатывал и изготовлял Вася. Он же сам раскрашивал и реализовывал продукцию: разезжал по церквям и монастырям, демонстрировал, договаривался о цене и новых заказах. Особенно большие заказы были к Пасхе, Троице и Рождеству.

И всегда шли венчальные свечи – громадные, с затейливым рисунком. Самые трудоёмкие.

Но Вася не был по натуре дельцом и коммивояжёром. И был глубоко верующим человеком. Цену ему легко сбивали, он не торговался. Профессиональным художником он тоже не был, а был по профессии моряком торгового флота. Окончил Макаровское училище. Плавал семнадцать лет. Дослужился до старпома. А старпом на судне, в рейсе, поважнее капитана. Как и боцман. Капитан, оформив документы и выведя судно из гавани, мог неделю не выходить из каюты и блаженного состояния. А старпому такое блаженство не позволялось. Хотя свою дозу, и немалую, он в перерыве между вахтами тоже получал.

Однажды подсчитав, сколько выпито за семнадцать лет плаваний и радостных возвращений на сушу, где земля продолжала раскачиваться под ногами, как палуба, Вася списался на берег и бросил пить.

Жене такой поворот руля не понравился – ей больше по вкусу был прежний курс: муж приходит из плавания, оставляет заработанные деньги и доставленные подарки, а сам, не мешкая, отправляется снова за золотым руном. Не особенно мешая её личной жизни.

Да, встречаются жёны-Пенелопы, но чаще – жёны-Антилопы.

И не каждому Одиссею достается Пенелопа.

Словом, когда Вася остался на берегу, его жена отчалила, обрубив концы. Слава богу, Вася оставлен за ненадобностью, в отличие от сберкнижек, драгоценностей и значительной части имущества. Вася сходил в церковь и поставил свечку чудотворцу Николаю, защитнику водоплавающих человеков.

Затем посетил нарсуд, развёлся – и занялся богоугодным делом. Двумя богоугодными делами: разработкой эскизов свечей и форм для их отливки, а также поиском нормальной жены.

И что удивительно – нашёл таковую! В образе Ирины – врача-анестезиолога. Немудрено: такая у неё специальность – снимать боль.

Семь лет лечила Ирина чувствительную душу Васи, прежде чем он рискнул пригласить её в загс и в церковь с формулировкой «Тебя мне Бог послал!».

Эмилия, в свою очередь, считала Васю посланником небес, даровавших ей таким путём прибавку к пенсии.

Ибо наши пенсии – это пособие на вымирание.

В этом с ней были солидарны миллионы пенсионеров. Впрочем, по мнению большей части этих миллионов, грех ей был жаловаться. Ведь милицейская пенсия раза в полтора превышала пенсии рядовых граждан, даже если их зарплата в своё время вдвое больше была оклада среднестатистического (есть такие?) мента.

– Алло! – выкрикнула Эмилия, схватив трубку. Лицо её вытянулось. – А!.. Привет, Леноч! Да, работаю. Ага, заливаю. Вася позавчера новые формы привёз. Красивые свечи полу-чаются!.. Ну конечно, я тебе этой работой обязана. Точнее, знакомством с Васей. – Эмилия поморщилась и не сдержалась – куснула подружку: – Что поделаешь – у тебя не получилось, у меня вышло! Тебе терпения не хватает! У тебя, как у Карлсона, мотор в заднице – усидеть не можешь!.. Ой, в дверь звонят! Подожди минутку! – Она положила трубку на тумбочку и устремилась в коридор, к двери в свой четырёхквартирный отсек.

Звуки дверных звонков, в отличие от телефонных, разнообразны. И способны не только характеризовать, но и идентифицировать личность звонящего.

Короткие, робкие, одиночные – звонит неуверенный в себе, может быть, даже заискивающий перед хозяином посетитель. Настойчивые, многократные, длинные – нетерпеливый, уверенный, даже нагловатый гость.

Этот звонок чем-то напоминал влекомовский, но был средней продолжительности и повторялся чаще, настойчивее. Незнакомый почерк.

– Кто там? – настороженно спросила Эмилия у двери.

– Откройте! – ответил хриплый мужской голос. – Налоговая полиция!

Эмилия молча бросилась обратно в свою квартирку.

– Ленка! Там налоговая полиция! – страшным голосом сообщила она телефонной трубке. – Васю, наверное, выследили! Что делать?

– Не открывай ни в коем случае! – решительно откликнулась Ленка, отлично разбиравшаяся в чужих проблемах. – Они не имеют права!

– А вдруг ворвутся? – испуганно спросила бывший милиционер Эмилия, хорошо осведомлённая о милицейских нравах. – И чем полиция лучше милиции? Называется на западный манер, но манеры у неё наши. Да ещё налоговая! Уж эти точно обдерут как липку!

– Спрячь всё! Рассуй по шкафам формы и материал! И не открывай! – отрывисто, как капитан с мостика тонущего корабля, командовала подруга.

Эмилия бросилась исполнять команду со скоростью матроса, заделывающего пробойну ниже ватерлинии.

2

Петербургский институт ядерной физики размещается в лесу близ Гатчины. И сокращённо именуется ПИЯФ. Не слишком благозвучно. Поэтому его чаще именуют по старинке – ЛИЯФ.

Лес сегодня предвесенний, мартовский, ещё дремлющий. Под соснами и берёзками прячутся от тепла сугробики серого ноздреватого снега. Зонт и снегу бывает нужен.

Март в Питере – самый солнечный месяц. По статистике. А статистика – она вроде истории: непристойная девка как империализма, так и социализма.

Вот и сегодня, прикрытый пасмурным одеяльцем неба, лес лениво перебирает еловыми лапами и кивает берёзовыми головками на статистическую погрешность – солнца-то нет. Подремлем. Будто и дела ему нет до ядерных проблем, решаемых недремлющими людьми в его уютной тиши.

Просто пастораль какая-то.

А внутри зданий – проход только с сопровождающим, контрольные пункты за каждым поворотом. Убедительная бдительность.

Влекумов мысленно порадовался за ПИЯФ – в нём жизнь не просто теплилась, но заметно трепыхалась.

Он возвращался из местной командировки. Ну, почти из местной. Из Гатчины в Питер. Из Института ядерной физики в НИИ «Фотон». Стоп!

Какой смысл ехать в «Фотон», если в «Фотон» можно не ехать? Уже два часа, пока доберёшься с юга города на север – часа полтора пробежит.

Преждевременный конец рабочего дня светит ярче заходящего солнца. А потом – через весь город с севера на юго-восток, к себе на Правый берег.

Нет, извините. Есть более оптимальные варианты использования освободившегося рабочего времени.

Вот, например, к Эмилии заехать. Сам бог велел! От площади Победы – два шага. Магазин по пути найдётся. Не зайдёшь – предбывшая супруга не обидится. Зайдёшь с бутылкой – обрадуется. А что, бутылка – веская причина для радости у простого человека.

– Евгений Парфёнович, вы где выходить будете? – прошелестел сбоку голос вежливого Цвайбунда, коллеги, с которым предпринят был сегодняшней вояж в ЛИЯФ.

Цвайбунд всегда со всеми вежлив и со всеми на «вы» – от генерального директора до уборщицы. Манера приятная, но настораживающая. Несовременная. Недемократическая. Не... А может, он и в театр регулярно ходит?! Или даже в филармонию, чего доброго?!!

Своей взаимной вежливостью они изрядно шокировали лияфовцев. А ребята там оказались интересные. В каждом чувствуется индивидуальность, ум – и никакого выкаблучивания. Простая манера общения. Сразу перешли на «ты» и охотно делились опытом выделения и усиления сверхмалых сигналов.

С уважением отнеслись к задаче гостей – выделить сигнал энергией три электрона на фоне тепловых и дробовых шумов и усилить его до пары вольт. Чувствовалось: нечасто им приходится обсуждать свои и чужие проблемы с посторонними – гости редки.

В лаборатории три научных сотрудника, у каждого – свой компьютер с выходом в интернет. «Фотон» себе такого позволить не мог. Но ему, по правде, и надо меньше – по одному бы компьютеру на лабораторию, а с выходом в интернет – по одному на отдел.

Несбыточная мечта.

– Сейчас выхожу! – откликнулся он и немедленно исполнил обещание.

Путь до Эмилии вкуче с бутылкованием в «Пятёрочке» занял полчаса. Влекумов предвкушал тёплый приём. Настроение, и так неплохое, продолжало подниматься. Но...

Лифт в парадной Эмилии не работал. Этаж – седьмой. Возраст тоже. В десятках. Итог – настроение падало по мере подъёма. И тут Влекумова осенило.

Он уже нажал на кнопку звонка, когда дверь за спиной открылась. Из противоположного отсека вышла дама лет восьмидесяти. Со старушечьей непосредственностью она тут же обратилась к Влекумову:

– Вы к кому?

– А вы корреспондент журнала «Хочу всё знать»? – отреагировал Влекумов.

– Ой, лифт не работает? – отвлеклась дама.

– Не работает! – охотно подтвердил Влекумов.

– Позвоните, пожалуйста, в аварийную службу, когда войдёте! – попросила дама, не решаясь приступить к спуску при отсутствии гарантий автоматического подъёма.

– Ага! – кивнул Влекумов.

Послышались шаги Эмилии и её голос:

– Кто там?

Влекумов, отшатнувшись от дверного глазка, прохрипел искажённым голосом:

– Откройте! Налоговая полиция! – и подмигнул старушке.

За дверью ойкнули – и послышалось топотание убегающей Эмилии. Влекумов поспешно нажал кнопку звонка и рыкнул:

– Открывай!

В ответ раздался хлопок закрывшейся двери и ляг запоров.

Влекумов остался на площадке с чистой шеей и любопытствующей старушкой.

– Напугали? – спросила она.

– Испугалась дурёха! – пробормотал он, вдавливая кнопку звонка. Глухо. – Мобильник! – сообразил жертва собственной шутки и полез в карман. – Где он? – вопрошал шутник, хлопая себя по бокам, как петух, объявляющий о своих серьёзных намерениях. – Забыл на подзарядке! – дошло до него.

Комизм ситуации веселил, но глупость положения омрачала настроение.

Влекумов нажал звонок Эмилиной соседки. Шарканье ног – и:

– Кто там?

Попробуй объяснить! Я не к вам, но вы откройте? Или позовите соседку из 125-й квартиры – так, что ли?

– Клабочка, позвони в аварийную! Лифт не работает! – помогла старушка.

Дверь в отсек открылась. Полная, смуглая лет семидесяти соседка вступила в переговоры с любопытствующей.

– Позвольте пройти! – попросил Влекумов.

– Куда? – оторвалась она от беседы.

– Я в 125-ю, к Миле.

– Так и звоните ей!

– Он её напугал! – радостно сообщила любозная (любопытствующая всезнайка).

– Не пушу! – постановила соседка.

– Да я пошутил не своим голосом! – попытался толково объяснить Влекумов.

– Он какой-то милицией назвался! – дополнила божий одуванчик.

– Не пушу! – стойко, как истинная блокадница, отвергла соседка предложение впустить врага.

– Тогда извините! – Влекумов отгеснил её и прошёл к Эмилиной двери. Дважды позвонил – пугливое затишье.

Соседка уже стояла рядом:

– Вы мне руку вывихнули!

– Я же вас руками не трогал! – удивился Влекумов.

– А я вас тронула за рукав, но вы выдернули его!

– Не понял: вы мне вывихнули или я вам? – Влекомов услышал шорох за дверью. – Милка, открой! Это я! – воззвал он.

Замок щёлкнул, дверь приоткрылась, показался перепуганный Милкин носик:

– Ты? А чего ты себя полицией обзываешь?

– По глупости, матушка, и по легкомыслию! – радостно покаялся Влекомов. – Ты же меня знаешь!

Шутить, как и пить, надо в меру.

В обоих случаях при переборе может случиться инфаркт.

– Знаю! – кивнула ещё не пришедшая в себя Эмилия.

– А ты что, и вправду чем-то незаконно занимаешься? – невинно поинтересовался Влекомов. – Испугалась!

– Заходи давай! – рассердилась Эмилия и тут же, улыбнувшись, извинилась перед героической соседкой: – Шутник он у меня!

– Хулиган он! – не согласилась соседка и подняла большой палец, словно восторгаясь. – Вон как палец распух у меня!

– Извините! – оглянулся Влекомов, отметив, что для такой увесистой дамы пальчик выглядит весьма изящно.

– Извините! Извините, Клавдия Петровна! – подхватила Эмилия, запихивая экс-супруга в комнату. – А я вам пяточную мазь достала! Сейчас принесу!

– Ой, спасибо, Милочка! – пропела соседка и, умиротворённая, удалилась к себе.

Через десять минут, поупрекав для приличия друг друга, экс-супруги принялись за доставленную Влекомовым горластую бутылочку под состряпанную наскоро Эмилией закусточку.

Милое дело, скажу вам, вот так – в тепле и уюте, в мире и согласии – потреблять водочку с вышедшей из употребления, но приятной во всех отношениях экс-супругой. Знающей толк, между прочим, как в водочке, так и, что особенно приятно, в закусточке. Львиную долю которой она ласково подкладывает на твою тарелку.

Этакая дозированная семейная жизнь. Или – избранные места из семейной жизни.

В такой обстановке легко идут разговоры об отдельных пробелах в воспитании совместной дочки Танечки, уже давно замужней, но никак не родящей, часто меняющей места работы, но обожающей промежутки между трудовыми периодами.

Родительское влияние на дочкину жизнь теперь ограничивалось тостами за её здоровье.

Главное в таких посиделках – не перебрать. Речь не о водке. Не умилиться до потери бдительности и свободы.

Пикник тем и хорош, что проводится свободными людьми в свободной обстановке. А если становится рутиной, это уже не пикник, а «не пикни!».

Они уже порядком расслабились, когда снова позвонила Елена.

– Да Влекомов это пошутил! – смеялась в трубку Эмилия. А потом стала мямлить что-то непонятное: – Нет, не говорила. Да он не захочет! Какое слово? Ладно, спрошу. Нет, не сейчас, погодя.

Эмилия положила трубку, села и поёрзала.

– Ну, колись! – сказал Влекомов.

– Я чего? Я ничего! – заверила Эмилия.

– Какое слово? Что Ленке надо?

– А! Это... Это она взяла в метро две штуки «Метро», газеты бесплатной. Там кроссворд, точнее, такая загадка.

Отгадаешь – триста тысяч выиграешь! – Эмилия протянула руку к журнальному столику. – Вот! Смотри здесь! Какой-то Макс фон Ригель обещает. Надо послать ответ, а потом разыграют, наверное...

– Понял – повелась на своих родственничков, немцев, – кивнул Влекумов. – Да ещё с «фоном».

– А что?! – вспыхнула урождённая Вальтер. – Немцы – люди серьёзные!

– Если судить по тебе! – улыбнулся Влекумов.

– Мама у меня русская! – оправдалась Эмилия.

– Ты хочешь сказать, что легкомыслие тебе по наследству от мамы перешло? – уточнил вредный экс-супруг.

– Пошёл ты! – воскликнула разгневанная фольксдойче.

Папа Эмилии был поволжским немцем и дал ей имя в честь своей младшей сестры. Эта сестра оказалась в Германии ещё во время войны, и никакого слуха-духа от неё не было.

Эмилия во всех анкетах честно писала: родственников за границей не имею. Правильно делала. Напиши «имею» – потребуют доказательств, в том числе адресок. И к работе в «оборонке» не допустят. А зарплата где? У неё, защитницы нашей. Так что скромность – подруга зарплаты. Хотя многие в нынешние времена со мной не согласятся. Зато я с ними теперь соглашусь.

Был, правда, момент в начале совместной незаконной жизни Влекумова и Вальтер, когда Эмилию, тогда работницу одного из филиалов подводного КБ «Рубин», пригласили в «Большой дом» и показали письмо.

Тётушка Эмилия из Дортмунда, не братской ГДР, а небратской ФРГ, разыскивала племянницу в городе Ленинграде.

– Что мне за это будет? – спросила испуганная Эмилия.

Органы добродушно засмеялись.

В результате переговоров на четвёртом этаже БД тётушке Эмилии стало известно, что ни о каких её родственниках, кроме умерших, официальным властям СССР не известно.

А блаженный период застоя продолжался ещё более десяти лет.

– Учти: выгнать меня не так просто! Тем более, ещё столько вкусного не съедено! – предупредил Влекумов. Эмилия бессильно поникла головой, а Влекумов вернулся к прежней теме:

– Дурёхи вы! – проникновенно поведал он. – Кто станет дарить такие деньги за какую-то глупую загадку?! Как думаешь, чего этому «фону» надо от вас?

– Он ничего не просит, только отгадать, – проямлила Эмилия.

– Деньги ему нужны! – членораздельно произнёс Влекумов. – Даже если он кому-то эти обещанные триста тысяч отдаст, ему их надо у кого-то взять. Не своими же кровными расплачиваться! Тем более дураки не переводятся. И ещё ему навар нужен.

Эмилия вздохнула.

– Ты что, про бесплатный сыр ничего не слышала? – съязвил Влекумов.

– Хорошо бы триста тысяч выиграть! – с очередным вздохом призналась экс-супруга.

– Поплыла девушка! – констатировал Влекумов и налил ещё по одной. – Ленке твоей всё неймётся!

3

Вот это он правильно отметил. Ленке неймётся. Хоть она и ровесница Эмилии и Влекомова, а энергии, цепкости, расчётливости у неё – на дюжину таких простофиль хватит!

Сказ о Ленке

Эх, запоздала малость перестроечна! А то бы Елена Николаевна и Абрамовича за пояс заткнула! Ну, хорошо, хорошо! Будем считать это заявление художественной гиперболой. Но за карьеру её тёзки Батуриной не поручился бы.

Уж если кто-то чего-то добился за последние полтора десятка лет, то это – она! В материальной сфере, разумеется. При сопоставимых условиях, естественно.

Пенсионерка – а у неё за этот период три мужа перебивало! В том числе – один олимпийский чемпион.

Да что мужья!

Займать мужа – не проблема, проблема – поиметь с мужа.

Как умеем – так и имеем.

И эту проблему Елена Николаевна блестяще решила. Не только с мужем.

Не подумайте дурного. Квартирки сделала и себе, и дочке с зятем, и внучонку.

– Откуда? – изумилась Эмилия после второй (квартирки).

– Помнишь, у меня тётя Маша была? – ответствовала Ленка. – Она мне завещала свою.

– У тебя вроде тётя Аня была, – пробормотала Эмилия, напрягая память. – Так её не стало ещё до перестройки.

– Тётя Аня – само собой! – пояснила Елена. – А это тётя Маша! Старенькая уже была, под девяносто. Я за ней столько лет ухаживала!

«И ни разу не пожаловалась!» – добавила мысленно Эмилия.

– Три года ездила на Гражданку, продукты возила, купала. Столько сил извела! – покачала головой Елена. – Всё-таки тётя! Хоть и двоюродная.

– Тётя Лёля завещала, – скорбно поведала она после третьей. – Я за ней столько ухаживала! Продукты возила, лекарства. Купала... Всё-таки тётя, хоть и троюродная.

Эмилия понимающе качала головой. Попутно выяснилось, что и два последних мужа тоже были... двоюродные, что ли. Незарегистрированные, словом. «Они прошли, как тени», – сказал по сходному случаю Есенин. И исчезли тихо, без фанфар. Даже олимпиец.

А Елену Николаевну постигла тихая грусть. Ибо жизнь без любви – не жизнь, а дожитие.

Каждой женщине хочется большого и светлого, пусть даже в тёмной цветовой гамме.

И не терпящая бездействия и пустоты Елена Николаевна направилась на приём к известной (в специфических кругах) целительнице, предсказательнице и указательнице бабе Глаше.

– На той неделе пойдёшь в гости – и встретишь его, – сообщила баба Глаша. – Сердце подскажет. Но учти: помешать тебе может один человек! Какой? А вот сойдётесь, и кто первый тебе позвонит – тот твой тайный недоброжелатель и помеха счастью!

И ведь всё сбылось, как Глаша огласила!

Пошла Елена на день рождения к подруге по работе ещё на фабрике наглядных пособий Лидочке Сапрыкиной. Елена Николаевна там мастером приёмки служила во времена оны и дослужилась до председателя профкома – должность такая выборная была для прохиндеев и дебилов.

Дебилами признавались те, кто должностью пользоваться не умел. Чего о Елене Николаевне сказать было нельзя.

Основными задачами председателя профкома являлись: призыв трудящихся к трудовым подвигам и укреплению трудовой дисциплины, умелое распределение материальной помощи и дешёвых санаторно-курортных и туристических путёвок.

Очень уважаемым человеком был председатель профкома.

Подруга Лидочка была тогда заместителем Елены Николаевны. Сколько вёрст было накастано и налётано ими по историческим и курортным весям СССР! Всем хороша была подруга, за исключением одного маленького недостатка: любого мужика могла заговорить и уложить.

Ленка не без оснований считала себя привлекательнее Лидочки. Но коммуникабельность подруги превосходила все разумные, а иногда и неразумные пределы, опровергая даже научное утверждение: мужчины любят глазами.

Впрочем, наука в последнее время отмечает феминизацию мужского поголовья. Может, с этим связано усиление роли органов слуха мужчины в пробуждении влечения к особям не такого уж слабого пола.

Не меньше, чем предсказание бабы Глаши, влекло Ленку в гости известие Лидочки о проведённой косметической операции. Даже сердце заныло – опередила! А откуда деньги у неё взялись?

Войдя из прихожей в комнату, Елена увидела Его. Рост – под метр девяносто. Рожа – красная. Глаз – похотливый. ОН!

Чей он – Ленка не спрашивала. Неважно чей – будет её! Потом выяснилось, он – принадлежность дальней Лидочкиной родственницы. Но там тоже что-то недооформленное было – брак, но гражданский. Зато дети от первого брака уже взрослые.

Словом, через неделю сошлись. А насчёт подтяжки Лидочкиной даже не слушала, что она бормотала. Главное – увидела, что неудачная операция: у Лидочки физиономия стала как арбуз.

И вот утром, ни свет ни заря – одиннадцатый час всего – телефонный звонок. И кто бы, вы думаете, звонит? Тмарка Ульянова! Лучшая подруга ещё с техникумовских времён! Мастер спорта международного класса. Призёр первенства Европы по трековому велосипеду. Какого года – неважно. У неё до сих пор темперамент двадцатилетней. Преподаёт физкультуру в колледже и всех молоденьких девчонок на дискотеках переплясывает.

Вот она, угроза, предсказанная Глашей!

– Ты что это с утра пораньше? – строго спросила Елена. – Приключений ищешь?

– Мать, ты что? Не с той ноги встала? – изумилась жизнерадостная Тмарка по прозвищу Томагавк.

– С той, не с той, а ты – постой! – отрезала Ленка и положила трубку. И с этого момента отлучила Томку от себя. Согласно учению бабы Глаши.

И зажила счастливо с Жорой. И даже скрепили они свой союз в загсе. И поселила Ленка Жору у себя. А его комнату уговорила продать, а вырученные деньги отдать в общак. В смысле – в банк под проценты, с обоюдным доступом, естественно.

Жора с ней жил – не тужил. Целых девять месяцев.

А за девять месяцев даже сперматозоид способен стать человеком.

В данном же случае, по утверждению Елены Николаевны, произошло обратное.

Не то чтобы Жора превратился в сперматозоид. Это ещё можно было перенести. А то, что дохода не приносил – это было невыносимо. К своей профессии недавней, дворника, поостыл. Другая работёнка как-то не подворачивалась.

Мало того, он позволил себе удивиться и даже высказать некое подозрение по случаю появления у Ленкиного внука Славика новенькой иномарки. Жора побежал в банк и застиг там останки своего вклада. Взвыл.

– У нас общее хозяйство, я тебя пою-кормлю, имею право пользоваться общим вкладом! – пресекла его завывания Елена. – Да, Славе немного не хватало на машину, и я ему добавила. Сколько? Десять тысяч долларов. Что ты волнуешься? Там ещё пять осталось!

Жора в расстроенных чувствах уехал в Сибирь проведать родню, утешиться. Утешение состоялось, но затянулось.

Ленка от расстройств выписала его из своей квартиры, сумела. Брак расторгла из-за неисполнения мужем супружеских обязанностей. У Жоры были прекрасные данные, но недостаточные всё же для исполнения указанных обязанностей на расстоянии три тысячи километров, надо понимать.

Суд понял. Ленка стала свободной и в очередной раз прокляла мужское коварство. Зато Томку реабилитировала. Но общалась больше с Эмилией. И теперь бескорыстно(?) раскрывала перед ней широкие перспективы лёгкого обогащения.

На самом деле, не будет же Ленка лить свечи по десять рублей за штуку! Это что-то вроде надомного сбора пустых бутылок – тоже грязная работёнка.

Стратегическое мышление Ленки отличалось масштабностью, цели – величавостью. В размере, например, трёхсот тысяч рублей. Ленка почему-то была уверена, что этот самый Макс фон, как там его, от неё не отвертится. Именно от неё – соперничества Эмилиии в деловой сфере она не опасалась. Сделала жест доброй воли, привлекла к делу.

Денежки-то Макс с широкой общественности собирает. А общественность несёт их по доброй воле.

Как говорится, по доброй воле принесла в подоле.

Нет, это, кажется, из другой оперы.

4

По пути домой Влекомов купил «Аргументы плюс факты», многоуважаемый, как чеховский шкаф, еженедельник. Всё на местах – проблемная статья В. Костюкова, медицинский раздел – лечение чего угодно от чего угодно препаратами и аппаратами – от тупоумия до импотенции. Впрочем, не исключено, что эти недомогания тесно связаны.

А вот – здрасьте! – Макс фон Ригель с тем же призывом не стесняться, заказывать денежку в размере трёхсот тысяч рубликов.

«А+Ф» рекламирует жуликов? Ведь такое мероприятие не может не быть жульничеством! Но раз уж такая серьёзная реклама, значит, народ покупается! Но на что? На что покупается?!

Загадку отгадают все, кто чуть выше дебильного уровня. Десять процентов самых отстающих из них пошлют свои отгадки. А откуда возьмутся денежки заплатить хотя бы одному из наивнюков? Надо выдоить остальных!

И хоть известно – дураков нам не жалко, но и мошенников не жалуем. Кроме Остапа Бендера. Надо выявить их тактику и – разоблачить! Поймаю на живца! Пусть живцом буду я!» – размышлял Влекомов.

И он сделал этот шаг. Шаг самопожертвования.

Ответ пришёл быстрее, чем ожидалось. После россыпи комплиментов клиенту и самому себе Макс фон Ригель предлагал приобрести за скромную плату амулет, гарантирующий практически вечное блаженство.

– Ага! – обрадовался Влекомов. – Вот он, источник обогащения этого «фона»! Как простенько!

Даже неинтересно.

И Влекомов успокоился. На три дня. Ибо на день четвёртый он получил ещё одно письмо, от какой-то фирмы. Его называли победителем и предлагали дать согласие на получение тех самых трёхсот тысяч. Надо ещё только заказать что-нибудь из прилагаемого каталога.

Влекомов прибалдел – победитель?! У них там лотерея какая-то? Он их неправильно понял? Он повертел в руках конверт – что это внутри напечатано петитом?

Оказалось – самое главное. При помощи лупы (очки спасовали) удалось узнать, что победителем именуется любой, кому фирма высылает каталог. То есть каждый, кто имел неосторожность послать фон Ригелю отгадку.

Процентов двадцать, прикинул Влекомов, разорвут, как я, конверт и узнают, что «победитель» – каждый. Из остальных восьмидесяти процентов двадцать – тридцать могут сделать заказ в надежде на удачу. Цены в каталоге завышены – так что прибыль фирме обеспечена. Он почему-то подумал об Эмилии.

Не зря подумал – она тоже получила такое же письмо. И уже витала в облаках. Победительница! Вот закажет сейчас... эту занавесь для кухни... нет – пароварку, она нужнее. Эх, дороговата... Ладно, пароварку! Триста тысяч ведь скоро заплатят! И ещё подарок добавят – телевизор за то, что пароварка дорогая! Вот так, Влекомов, Фома неверующий!

Эмилия тихо засмеялась. Можно будет за границу съездить. В Германию, на прародину отца. С Влекомовым? Ну-у... Можно и с ним... Он по-немецки немного разговаривать может... Но ехидный он, доведёт своим языком до кипения или другого греха.

Тогда, может, с Ленкой махнуть? Только чтобы она не знала, откуда вдруг денежки взялись. Не то – слопают! Не её выбрали!

Нет, всё же лучше с Влекомовым. Денежек у него, правда, негусто, но так и быть, поделимся. Впрочем, время ещё есть, надо подумать. Главное – судьба ей улыбнулась! И не криво,

как обычно. А во весь рот! «И, полагаю, заслуженно», – подвела Эмилия промежуточный итог своих размышлений.

Каждый в душе считает себя достойным большой удачи. Большой любви. Большой зарплаты. Большого... А имеет – чем бог наградил.

А Ленка тем временем времени не теряла. И предложение Макса фон Ригеля её перестало интересовать. Вот так-то. Нет, она не отказалась бы от трёхсот тысяч рубликов, но выривалась более манящая перспектива.

Человеку свойственно в стремлении к большому идеалу попирать более мелкие. Вспомните строительство коммунизма и капитализма.

На горизонте, как авианосец на морской глади, выросал большой идеал. В облике небольшого, но плотного мужчины с небольшой, но плотной щёткой усов. На верхней губе, естественно.

Да, он был вдвое мельче недавно осчастливленного и покинутого Жоры, но – в десять раз крупнее по валютному курсу. Попросту говоря, это вам не дворник, а капитан дальнего плавания.

Хотя очень часто идеал велик на удалении, но скукоживается при приближении. Вспомните, опять же, строительство коммунизма, да и капитализма...

Хорошо иметь много друзей. Пусть даже подруг. Вот пошла на масляной на внезапную свадьбу к Ляльке Крутогиной, тоже подружке с незабвенных профкомовских времён. Подруге удивительной – до сорока шести лет не сумевшей побывать замужем. Хотя бы разок. И это при нормальной, пусть и не выдающейся, внешности и тихом нраве.

Единственная дочь одинокой матери. Таких называют домашними девочками.

Вообще-то таких домашних Ленка недолюбливала: многими комплексами страдают. Но Лялька была девкой простой, без комплексов, без подвоха. Отец умер, когда ей было девять лет. А любимая мамочка, испугавшись одиночества, стала дочку всячески оберегать от лиц противоположного пола и, главное, от замужества. И вообще – от мужиков, от беременности и прочих излишних хлопот.

Ляльке, правда, удалось тайком лишиться невинности и даже пару раз сделать аборт, но в остальном маме перечить не смела.

В прошлом году маму призвал Господь, и Лялька осталась одна в трёхкомнатной квартире.

Её зарплата на нынешней работе – менеджер торгового зала в супермаркете – при всей многозначительности названия должности не соответствовала занимаемой жилплощади в условиях непрерывного совершенствования работы ЖКХ.

Да, большинству граждан, чтобы стать скромнее, надо брать пример со своей зарплаты.

И, глядишь, привела бы Лялька свою жилплощадь в соответствие со своей зарплатой с помощью добрых людей, той же подружки Елены Николаевны, к примеру, да недосмотрела Ленка за младшей подружкой, утратила бдительность.

Вокруг Ляльки закрутился некий Пейсахович, по должности – отставной майор милиции, в душе – поэт. А менту-поэту взять под контроль женскую душу вместе с сопутствующими материальными ценностями – что два привода совершить. Второй из которых – в загс.

Тем более органы нежных чувств у женщин – уши. Вот в них Пейсахович и напевал настолько умело, что через три недели осуществил добровольный привод Ляльки в известное матримониальное учреждение с последующей пропиской новобрачного в её трёхкомнатной.

Не все подружки Ляльки были веселы на этой свадьбе – часть из них уже лишилась мужей и не имела пустующих трёхкомнатных квартир. Но оказался там один невзрачный мужичок, приятель жениха. С усиками. После третьей рюмки стал слегка заикаться.

Никто на него внимания и не обратил, но все дамские ушки наострились, когда он про-износил тост:

– Мы, моряки, особо ценим тихие семейные гавани, где нас ждут верные подруги. Не у всех нас имеются такие гавани, к сожалению. Я рад, Боря, что ты обрёл её!

– Кого он имеет? – переспросила насторожившуюся Елену присутствующая общая подруга Лидочка. – Гавань? Или... А у него чё – нету? А кто он – полковник?

Елена косо взглянула на лоснящуюся после подтяжки круглую щёку подруги, с удовлетворением отметила – на арбуз похожа стала, вспомнила: так толком и не расспросила об операции, точнее – не слушала, что молола Лидка, на Жору тогда глядела. Толкнула локтем в бок:

– Тихо! Дай умных людей послушать!

Лидкино лицо не отреагировало натянутой кожей, только выпученными глазами. Но если бы Елена была тогда внимательней, её опасения насчёт подружных намерений удесятились бы.

Лидочка в прошлом году провернула дельце, которое самой Елене не снилось. Нет, если по-честному – снилось! Но чтобы – наяву! Да в исполнении бывшей заместительницы – это уж слишком!

О Лидочкином рекорде

Используя старые связи, Лидочка достала путёвку в подмосковный санаторий министерства обороны. Оборона-то стала проницаемой не только в отношении границ и разных технических секретов. И не только для всяких агентов, но и для ищущих дам.

Вот Лидочка и оказалась в одном из бывших элитных бастионов воинского здравоохранения.

Третий год она пребывала в разведёнках, не по своей воле, а значит – при своей боли. У Кольки – кризис запоздалого среднего возраста, а ей одной теперь мучиться? Вот и пошла Лидочка на штурм здравоохранительных бастионов.

Думала, она одна такая хитрая, а на аллеях парка прекрасного Истринского санатория шпалерами выстроятся одинокие генералы и полковники. Как бы не так! Шпалерами стояли одинокие разновозрастные дамы – и стройные, и сдобные, и интеллигентные, и не слишком, но все – с ищущими взаимопонимания взорами.

А слабый, вымирающий пол представляла кучка кавалеров преклонного возраста и многочисленных наград. Многие кавалеры украшали своими заслуженными наградами свои не менее заслуженные пиджаки и кители, представляя их на всеобщее обозрение к завтраку, обеду и ужину.

Даже возникло подозрение – не спят ли в них?

Лидочка, призадумавшись – не совершила ли стратегическую ошибку с этим санаторием, пришла к выводу – утро вечера мудренее, и стала по утрам выходить на разминку. Догадалась: самые бодрые из отставников блюдут себя с утра. Но только до вечера, понадеялась Лидочка.

И точно: многие совершали пробежки, прогулки, разминки. Из них самые бодрые, конечно, пробежечники. Лидочка прокралась к ним поближе. Даже сама метров пятьдесят протрусил.

Устала, перешла на шаг. Приметила: вон тот статный, вроде и не очень старый и бежит резвенько. Интересно, в каком номере проживает?

На следующее утро Лидочка была на посту и даже протрусил целых сто метров. Горизонт был чист. Лидочка в недоумении остановилась.

– Устали? – раздался сзади вопрос, и статный отставник, не останавливаясь, просквозил мимо. – Только не останавливайтесь, переходите на шаг! – добавил он, обернувшись. И вдруг

сам остановился: – Вам, девушка, рановато так быстро выдохаться! А ну, давайте за мной! Я сбавлю...

И Лидочка, высунув язык, припустила за отставником, гадая: полковник или генерал?

С того дня встречи стали традиционными и не только утренними оздоравливающими. Хотя оздоровление случается не только по утрам.

Проживал Георгий Фёдорович в двухкомнатном люксе. Ходил в штатском. Ездил в Москву на своей «Волге», но не старой, а на новенькой, с кондиционером и прочими тюнинговыми наворотами.

Заинтригованная Лидочка не любопытствовала – чуяла: нельзя! Сдерживалась, подвергая душу свою мучительной пытке неудовлетворённого любопытства.

А для женщины сдерживать любопытство – тяжелее, чем рожать.

Зато какое может быть вознаграждение! Вечером в пятницу состоялся большой вечер. Зал был полон дамами, не смирившимися с годами, и мужчинами в отставке, смирившимися не только с годами, но и с дамами.

Лидочка, как и было условлено, ждала своего кавалера у второй колонны от входа. Он появился и направился к ней. Но не дошёл. Его перехватили у первой колонны сразу три восторженных дамочки с неувядаемыми «бабеттами» на неостуженных головах.

Лидочка возмутилась и раздвинула их плечом, привычным к транспортным давкам. И остолбенела. На груди Георгия Фёдоровича сияли две звезды Героя Советского Союза.

«Двоится!» – уверила себя Лидочка и тряхнула головой. Количество звёзд не уменьшилось.

– Извините, меня ждут! – услышала она, и его рука взяла её за локоть.

Взгляды разочарованных дамочек придирчиво сканировали её фигуру, платье, причёску, туфли и, казалось, даже бельё.

Лидочка почувствовала прилив сил, уверенности и наглости. Вздёрнув носик, выгнула спину, как Плисецкая (ну, почти), и гордо зашагала в круг под руку с дважды Героем. Ощущая себя героиней.

– Хочу сделать тебе подарок, – сказал он в последний день, когда они лежали в его люксе. – Съездим в Москву, может, выберешь что-нибудь в ювелирном?

– Спасибо, – скромно ответила Лидочка, – мне ничего не надо.

– А мне очень хотелось бы тебе подарок сделать, – настаивал он. – Подумай!

Лидочка думала не более минуты:

– Знаешь, я бы подтяжку сделала... Как считаешь?

– Для меня ты и так молодая, – усмехнулся Георгий Фёдорович. – Но хочешь – делай! Выбери клинику, пусть она мне вышлет счёт на Совет ветеранов. Сейчас я тебе реквизиты дам.

И – оплатил! Совет ветеранов без совета с ветеранами, думается.

Вот с тех пор Лидочка и перестала улыбаться – пластические хирурги перестарались.

А в тот вечер Елена блокировала все подходы к усатенькому капитану.

Капитан оказался перспективным: разведён, из детей – только дочь, благополучно проживающая замужем в Соединённом Королевстве. В коем оказалась не благодаря какой-либо папиной помощи, а благодаря собственному азарту в дамском мордобое.

Этот вид спорта ранее даже в неофициальном статусе встречался редко. Обычно – в коммунальных квартирах. А ныне уже стал олимпийским.

На одном из международных личикобоев (рука не поднимается повторить ранее использованный термин) Оленька произвела неизгладимое впечатление на английского судью-полицейского. Развитие матримониального процесса было молниеносным: задержание, препровождение в СК (Соединённое Королевство, а не Следственный комитет), предъявление

официального обвинения, пардон – объяснения в любви, и – приговор: пожизненное заключение брака.

Юрий Афанасьевич, капитан, иногда получал свидания с дочкой, не в зависимости от её поведения, а в зависимости от порта назначения. Кстати, не так уж редко. А дочка тоже стала британским кокни и, кажется, подумывала о помиловании – о разводе.

Юрий Афанасьевич был, правда, не питерский – череповецкий. Но это, может, и к лучшему.

Зато – по морям, по волнам и по заграницам. Очень может пригодиться!

Это, так сказать, направление главного удара Елена сейчас усердно разрабатывала. Пока капитан не отвалил от стенки (в данном случае подразумевается морской термин, хотя в обычном смысле он тоже предпочитал спать у стенки – видимо, в родном порту оба понятия сливались в одно).

Уж больно коротки бывали интервалы между рейсами. Только человек к суше присохнет (если просохнет) – и гудок!

Прощай, нормальная жизнь! Здравствуй, романтика! Романтика морских просторов, штормов, шквалов и авралов, а также зарубежных портов и барахолки.

Последнее слово на букву «б» напомнило о романтическом посещении заведения на ту же букву – борделя в Гамбурге.

Тогда молодого второго штурмана старые морские волки сводили на экскурсию в указанное заведение, где за небольшую плату можно было в маленькие дверные окошечки полюбоваться на незанятых кошечек. Войти не позволяли чувства ответственности и экономии.

Зато зайти в бар те же чувства позволяли – и до, и после борделя. До – для храбрости, после – от переполнивших душу дополнительных чувств. Штурман сухогруза декларировал себя как знатока немецкого языка. У стойки бара он вступил в переговоры с барменом посредством размахивания руками и, видимо, удручённый непонятливостью того, вдруг заорал:

– Нихт шиссен! – исчерпав свой немецкий словарный запас.

Публика, услышав это «Не стрелять!», повалилась на пол. Посетители борделя смылись на свой сухогруз.

Капитан ушёл на зов морской романтики, оставив Елене доверенность на получение своей зарплаты, точнее – оклада. Но и в этом тоже была своеобразная романтика – перспектива семейных отношений.

Это вам не фон Ригель с его посулами и каталогами дешёвых товаров по дорогой цене.

5

Весна – обольстительная и обманчивая девица. Стоит только распалиться – у неё смена настроения. Глупейшее, скажу вам, поведение.

Вот и в этом году весна успела побаловать доверчивых граждан своей очаровательной улыбкой – тремя жаркими солнечными днями. Доверчивые граждане стали поспешно разоблачаться, словно кавалер, возомнивший уже себя любовником при виде дивана своей ветреной подруги. А настроение их – весны или подруги – поменялось, и приходится натягивать шубу или штаны.

Влекумов, скользя по вновь замёрзшим лужицам, ругал легкомысленную весну так же пылко, как и три дня назад за лужи на тротуарах. Может, не знал, кого следует ругать?

Нет, знал, что Илья-пророк, управляющий небесными стихиями, скорее прислушается к критике, чем служба ЖКХ.

– Нас продали! – воскликнул Влекумов, войдя к Эмилии.

– Сколько за тебя дали? – заинтересованно откликнулась она.

– За меня – ни гроша! – честно признался Влекумов.

– И я бы... – начала Эмилия, но поостереглась. – В придачу к кому-то, что ли? А его почём?

– Не знаю точно, за два или три миллиона – но чтобы духа моего там не было!

– За твой дух – три миллиона рублей?! – изумилась Эмилия.

– Не рублей, а долларов! – возмутился Влекумов. – И не за дух, а чтобы духа не было! В течение месяца! За площадь заплатили!

– Ты что, квартиру продал? – вспыхнула Эмилия. – Учти – я тебя к себе не пушу!

– Дурь старая! – простонал Влекумов. – Как тебе такое в башку придёт! Кто мне три миллиона долларов за мою однокомнатную даст?

– Сам дурак! – отреагировала Эмилия. – А за что тебе дали?

– Так, объясняю! – неожиданно успокоился Влекумов. – Во-первых, я говорю «дурь», а не «дура». А это – громадная разница! Во-вторых, по шее мне дали бесплатно. А два или три миллиона долларов банк «Потёмкинский» заплатил за наше здание на Торжковской. За наш «Жёлтый дом на Чёрной речке». Красивое здание площадью десять тысяч квадратных метров в престижном районе! Кошмар!

– А сколько надо было заплатить? – прежним невинным тоном осведомилась экс-супруга.

– В советские времена балансовая стоимость нашего здания составляла два миллиона рублей. Это я знаю, как бывший зам по науке Валентина Алексеевича Фролова, бывшего начальника нашего «ЖД на ЧР». Но тогда моя кооперативная квартира общей площадью тридцать пять квадратных метров стоила пять тысяч рублей. А сейчас стоит восемьдесят тысяч долларов. Соображаешь?

– Да! – твёрдо ответила Эмилия и нетвёрдо добавила: – Нет...

– Займёмся арифметикой! – предложил Влекумов. – За прошлую стоимость нашего «Жёлтого дома» можно было построить четыреста однокомнатных кооперативных квартир. За его нынешнюю продажную – ох, продажную! – стоимость – менее сорока! Усекла?

– А что это так? – обиделась Эмилия. – Что ж ваше предприятие так подешевело?

– Ты сама как думаешь? – поинтересовался Влекумов.

– Что мне думать! Это вы должны были думать! – гордо ответила Эмилия. – А на сколько зарплат вам хватит этих миллионов?

– Раскатала губу! – усмехнулся экс-супруг. – Эти деньги не наши. И здание не наше. – Он вздохнул. – Оно принадлежит нашим московским хозяевам, которых мы, рядовые сотрудники, толком и не знаем. Это вроде АО «Росэлектроника» и государство, отдавшее свою долю

акции в управление той же «Росэлектронике». Мы же теперь открытое акционерное общество – ОАО. Только в свободной продаже наших акций нет – враги, чего доброго, скупят. И ещё такая схема позволяет государству не заботиться о финансировании ЦНИИ «Фотон» и ему подобных. Выживут – слава богу! Подохнут – тем более! А между прочим, великих государств без собственной электроники не бывает!

– Россия всегда была и будет великим государством! – неожиданно и гордо изрекла Эмилия.

Влекумов, приоткрыв рот и склонив головку набок, разглядывал её. Она продолжала накрывать на стол. Этот рефлекс автоматически включался у неё при появлении экс-супруга.

«Моя выучка!» – с гордостью, практически не отличимой от самомнения, подумал он. Но оставить последнее слово за ней было выше его сил.

– Да кто стал бы с нами разговаривать, если бы не оборонные заначки, сделанные Советским Союзом! – пылко воскликнул он.

Эмилия промолчала – пылкость Влекумова её настораживала ещё с супружеских времён.

– Ждут, пока оружие подгниёт, а население подвымрет – тогда и возьмутся за разделку туши! – провоцировал он.

– Ты водку будешь или коньяк? – заботливо поинтересовалась Эмилия.

– Всё равно! То же, что и ты! – заглохнул он наживку.

Глобальный вопрос был закрыт ввиду неотложных дел.

Только во втором тайме – после оприходования первой половины бутылки – Эмилия рискнула поинтересоваться:

– А тебя теперь куда денут?

– На главную площадку, на Тореза, напротив Сосновки, – буркнул Влекумов. – Ближе к руководству!

– Это плохо? – удивилась она.

– А то! – усмехнулся он. – От близости к руководству выигрывают только подхалимы и секретарши. Ты же знаешь!

До их знакомства Эмилия была секретарём главного конструктора одного из филиалов известного не только в подводных кругах КБ «Рубин». А в милицию пошла через год совместного проживания с Влекумовым. С заявлением – но не жалобным, а о приёме на работу.

Пока Эмилия тихо розовела, Влекумов призадумался о судьбе своего «Жёлтого дома».

Сказ о Танкобанке

Как все великие дела, это начиналось с малого. Жил-был в Сибири соответствующий военный округ. Нет, округ-то был не маленький – большой округ, даже огромный.

Ну и генералов в нём было – соответственно. Или даже больше. И один из генералов, не майор, а бери выше – лейтенант, служил на переднем крае – замом по тылу. Ибо тыл, то есть материальные ресурсы, стал в годы недоперестройки ареной яростных сражений за сладкие куски матчасти, довольствия и неудовольствия.

К примеру, ВПК (кто позабыл – военно-промышленный комплекс) так снабжал армию танками, что танков этих поступало в округ больше, чем призывников. Призывников-то отлавливали, уговаривали, прельщали, а танки даже не считали. Во всяком случае – как положено.

Учения, ремонт, списание и прочая бухгалтерия – и получается неэвклидова геометрия. Не должны параллельные прямые пересекаться, а в параллельных мирах или структурах – раз! – и пересеклись. И танки своим ли ходом, чужим ли – удалялись в параллельные миры, даже никаких материальных следов не оставляя. Кроме повышения материального состояния группы лиц во главе с замом по тылу.

И что интересно – никто, ни учёные, ни даже прокуратура, – не интересовался этим явлением дематериализации.

А у товарища генерал-лейтенанта (он так и считался товарищем, хотя по всем признакам состоял уже господином) был сынок. Очень смышлёный мальчик. Со школьных лет это за ним замечалось. Хорошо учился, особенно – в пионерском возрасте.

Пришло время – стал оболтусом. А что поделаешь – период стремительно прогрессирующего полового созревания, переходящего в гиперсексуальность.

Мамочка-генеральша период этот не то чтобы прохлопала, но стеснялась замечать – взгляды у неё были какие-то старорежимные.

Приехали родители из «бархатного» отпуска (папиного, у мамы отпуск был перманентный, потому она больше уставала к папиному отпуску), и мама в родительской, супружеской постели обнаружила вторичные признаки первичных сексуальных упражнений.

– Вадик, это ты? – вскричала мама.

Вадик пожал плечами.

– А она, девочка эта, она – девочка? – ужаснулась почему-то мама.

– Ну да! – фыркнул четырнадцатилетний Вадик. – Стану я грязным делом заниматься!

Обомлевшая мама присела на поруганную супружескую постель и ещё неделю потом ночами на ней ворочалась.

Впечатлительная мама. В отличие от сына Вадика, пошедшего в папу.

Генерал, гордо ухмыльнувшись, хлопнул сыночка по плечу:

– Смотри, чтоб не залетела!

– Это её проблема! – снова пожал плечами сынок. И в дальнейшем все житейские и личные проблемы решал так же мудро.

Потому папа со временем доверил ему реализацию смелого проекта «Танко-банк».

Вадик, студент четвёртого курса, перешёл тогда на заочное отделение Петербургского финансово-экономического института (имени Чубайса, как его в будущем наверняка назовут).

Генерал приставил к нему «дядьку» (аки к Петруше Гринёву) – отставного полковника Мухортяна, своего давнего сослуживца и консультанта.

Мухортян и стал первым заместителем молодого президента нового банка «Потёмкинский», точнее – первым вице-президентом.

Уставной капитал банка равнялся стоимости всего десяти танков (по цене металлолома). Такое было возможно в начале девяностых.

Предстояло найти приличное помещение. Банк – это вам не ларёк ширпотребовский. И операционный зал, и хранилище, и системы охраны – всё должно соответствовать нормам, определяемым Центральным банком России.

Вадик вспомнил: на улице Радищева, недалеко от консульства Испании, куда он ездил визу оформлять, выстроились здания бывших казарм Преображенского полка.

Сейчас там какая-то ВПКашная контора обретается, нищая, как постреволюционный аристократ – наверняка. И среди длинной шеренги этих казарм, распахав их, обособленно красовалось аккуратное, изящное зданье – штаб, что ли, этого самого лейб-гвардии полка. Очень миленькое, а если сделать небольшую пластическую операцию – вообще будет прелесть.

Настропалил Мухортяна. Мухортян увидел зданье – и сам воспламенился. Выяснил: в качестве обнищавшего аристократа выступает НИИ «Фотон». Вышел на директора. Директор оказался соображающий, деловой, гибкий, как Владимир Ильич. Очень быстро от лозунгов «Социалистическая собственность священна» и «Береги народное добро пуще зеницы ока» перешёл к более доступным: «Социалистическая собственность – не священная корова, а дойная. Более того – говядина!» и «Храни народное добро на личном счёте, лучше – на валютном».

Короче, за домик на улице Радищева директор получил, помимо разового, но весомого вознаграждения, домик на Карельском перешейке и пенсию в 1000 долларов ежемесячно. Да –

также место в банке для дочки. Погодя немного, дочка обрела в банке мужа, вице-президента «Потёмкинского». Нет, зять, конечно, не Мухортян, другой, из институтских друзей Вадика. Да и дело это с дочкой уже их личное.

Не подумайте, бога ради, что директор действовал без ведома столичных властей. Но там – отдельная бухгалтерия.

Зданию отгородили, присовокупив часть двора – стоянки для иномарок нужны, отре-ставрировали, оборудовали как положено – и зажили.

Но аппетит не пропал, не умерился даже. Напротив – бурно развивался. Казармы-то длиннющие! Производство же «фотоновское» непрерывно сокращалось, люди увольнялись, свободные площади расширились и не использовались. Смотреть – сердце кровью обливалось! Бесхозяйственность!

Нет, кое-что «Фотон» в аренду сдавал, но со всякими ограничениями – то из соображений секретности, то из непонятных «высших». К примеру, арендная плата небольшая, потому что весомая, но не обозначенная часть её передавалась в конвертах непосредственно в руки... нет, в лапы руководству. Или правильнее – на лапу?

В любом случае – нехорошо это, неправильно! Ведь если бы «Фотон» подремонтировал свои помещения, арендную плату вдвое можно было бы повесить! А у «Фотона» – ни денег, ни мозгов! В смысле – хозяйственных извилин.

Институт голодает, зарплату сотрудникам не платит, за воду, электричество и прочие энергоносители тоже платить не в состоянии.

И никто ему кредит не даёт. Кроме благородного «Потёмкинского»! Условия погашения?

Ерундовые! Так сказать, мелким шрифтом писанные. Или вообще в письменном виде не упомянутые. Мы же люди благородные. И свои.

Помаленьку-потихоньку Вадик с Мухортяном прибрали к рукам «Фотон» с его новым директором и прочими матценностями. Нет, угрожающий ВПКашный профиль «Фотона» их не интересовал. А вот площади и земля – вещи перспективные, привлекательные.

И ещё выяснилось: у «Фотона» есть прекрасное здание на Чёрной речке. Используемое так же бесхозяйственно, как и все прочие. Пора было активнее корректировать ситуацию.

И вот она была скорректирована...

– Ты что, заснул? – услышал Влекумов неделикатный окрик Эмилии и поспешно ухватился за бутылку – в доказательство своего бодрствования.

– Да налито давно уже! – остановила его Эмилия. – Тост двигай!

– За тебя! – выкрикнул Влекумов.

– И тебе не хворать! – отозвалась она, опрокидывая рюмочку.

– Ты всё-таки играешь в эти игры? – спросил Влекумов, слегка осоловевший от вкусной еды и обильного питья, прихваченного, по обычаю, с собою. Отвалившись от стола, он протянул руку к телевизионной программке и под ней обнаружил знакомый разноцветный конверт со знакомой до боли надписью: «Поздравляем! Вы – победитель! Запросите 300 000 рублей!»

Эмилия застенчиво улыбнулась:

– Повезло! Я и не думала!

– И не думай! – желчно поддержал её Влекумов. – За какие заслуги? Ты что у них покупала? На какую сумму?

– Да я немного, – промямлила Эмилия под его строгим взглядом. – Я только два раза. Мне захотелось кастрюли для макарон. В них что угодно можно варить, а в крышках – дырочки для сливания воды. И крышки не сваливаются при сливе. Удобно! – Она восстанавливала душевное равновесие и даже входила в хозяйственный экстаз.

– Покажи! – потребовал Влекумов.

– Что показать? – уточнила Эмилия.

– Меня интересуют твои прелести, в смысле – прелестные кастрюли, – пьяно пошутил Влекомов, крутя в руках конверт. – Наводчики!

– Кастрюли посылкой идут. А почему наводчики? – всполошилась Эмилия.

– Все, кто видел твой конверт – и на почте, и по пути в квартиру, и гости, – почти все подумают, что ты скоро разбогатеешь, – снисходительно пояснил он. – И кто-то захочет поохотиться на такую куркулиху.

– Ну тебя! Каркаешь! – рассердилась Эмилия. – Поохотиться! Я со страха помру!

– Разбогатеть – большой риск! – мрачно изрёк Влекомов. – Можешь спросить у Абрамовича!

– Вечно ты умеешь испортить настроение! – произнесла Эмилия после паузы.

– Я могу его исправить! – пообещал он. – Ты никогда не получишь приза! И это может тебя спасти! Но если хочешь оплачивать безбедное существование своих возможных благодетелей, делай это с открытыми глазами! Или хочется питать иллюзии? А вдруг повезёт?

– Ну да! – заскучала Эмилия. – Где я денег напасусь? С пенсии, что ли?

– А что – если позволяет размер, – продолжил было ехидничать Влекомов, да самому надоело. – Хочешь, проведём одну маленькую проверку? – предложил он, подтягивая к себе телефон.

– Куда ты собрался звонить? – насторожилась Эмилия.

– В Москву, куда же! – шокировал её Влекомов. – Не беспокойся, я по своей карте позвоню! А ну-ка, достань их письмо, там должен быть номер телефончика!

Эмилия, не прекращая кудахтать, исполнила его просьбу. – Здравствуйте! – услышала она вскоре непривычно вежливый голос Влекомова. – Мне сообщили, что я стал победителем акции и имею право запросить триста тысяч рублей...

Он прервал гладко стелившуюся речь – похоже, ему отвечали.

– А зачем мне делать заказ? – продолжил Влекомов. – Давайте заключим соглашение. Я жертвую вашей фирме половину призовой суммы, а вы сразу высылаете мне вторую половину!

Пауза.

– Ах, финал не скоро, процедура утверждена! Значит, не согласны? А как позвонить руководству? Телефона не даёте? Понял! Спасибо!

– Соображаешь? – повернулся он к Эмилии, дав отбой. – Им вроде должно быть выгодно – я отдаю им половину приза! А они не согласны! Значит, рассчитывают получить больше с тысяч «победителей».

– Что это ты моими деньгами распоряжаешься! – возмутилась в ответ экс-супруга.

– Эх! – крякнул Влекомов. – Давай ещё по одной!

– Давай! – последовал незамедлительный ответ.

Влекомов, как истинный Овен, упрямо пытался снова что-то объяснить, но Эмилия только вздыхала и томно поглядывала на ещё не опорожнённую бутылку.

6

Прошу прощения – я снова о весне. Не юноша – ну что она далась мне? Тем более я, как и любой мыслитель, скользить и падать в лужи не любитель.

Снег тает, скукоживается, а торжествующая грязь, смыв слои белого пушистого грима, подставляется солнечным лучам: я первая загорела!

Весеннее обострение охватило «Фотон» – он готовился к юбилею. Не генерального директора, не главного инженера, не 80-летнего инженера Федотова – к своему собственному, полувековому! То есть к празднику своей «элиты» (без этого словца нынче и в нужник не сходить) – генерального директора, главного инженера и их присных.

Нет, среди рядовых сотрудников тоже имелось немало достойных. Но – достойных смотря чего. Значительная часть оказалась достойной приглашения на торжественное заседание в арендованном клубе, поскольку собственный актовый зал «Фотона» давно не допускал проведения никаких актов, даже самых невинных.

Незначительная часть значительной удостоилась приглашения на ещё более торжественный ужин. А некоторую часть сотрудников предполагалось наградить подарками различных стоимостных категорий в зависимости от заслуг. Тех, кто не удостоился попасть даже в низшую ценовую категорию, достаивали бесценных грамот городской администрации.

Именинным тортом должен был послужить юбилейный альбом. Альбом, отражающий героическое восхождение института к вершинам телевизионной электроники и его загни... в смысле – процветание на данном этапе под мудрым руководством руководства.

И то – участие в фотографировании обратной стороны Луны, Марса, Венеры, кометы Галлея, обнаружении запусков МБР вероятных противников, кое-что для «Тополя» и «Булавы» – не стыдно признаться. Стыдно, что всё это – на базе разработок 50-х – 80-х годов.

Дальше – ползком на брюхе. Например, бурная радость охватывала «Фотон», если военным удавалось пробить в правительстве замену хотя бы одного из некогда большой армады разведывательных спутников «Космос». «Фотону» заказывали один прибор. Значит, запускать в производство надо было несколько – с учётом процента выхода, испытаний и т. п.

А тратиться жалко. Извлекались из сусеков некогда полукондиционные экземпляры, заново измерялись, перепроверялись – и лучшие из худших предъявлялись заказчику. Один проходил приёмку и улетал охранять мирный сон страны.

От внешнего врага отобьёмся – нам бы внутреннего одолеть. Себя самих...

Спасибо китайцам – они боролись за экономический и научный прогресс, а не за рынок западного типа. Поэтому дела у них резво шли в гору и денюжки водились. Их хватало на покупку СССРовских технологий для развития собственных. Тем «Фотон» и спасся.

А тем временем шла кулуарная возня за право увековечиться в наиболее эффективной форме. Особенно усердствовали главный инженер Рудиков и учёный секретарь Боровик. Под надзором генерального директора Засильева.

Первым остро встал вопрос о формате книги. Вполне достойным казался формат А4 – размер писчебумажного листа. Но возникла загвоздка: при обычной типографской технологии четвёртый формат подвергался обрезанию – и фотографии директоров, а их за полвека было четверо, в достойном масштабе и с подписями, напоминающими о научных заслугах и наивысших государственных наградах, размещались только на двух страницах.

Таким образом, Засильев попадал на обратную сторону листа не в лучшей компании со своим предшественником и без заслуг – ни учёной степени, ни Госпремии, ни орденочка, как у остальных.

Это было невыносимо. Пришлось слегка пожертвовать масштабом личности (портретной) директоров, обойтись без обрезания и перечисления титулов – зато теперь Засильев втис-

нулся на одну страницу и в одном масштабе с основателем «Фотона» Вильдграббе – доктором наук, профессором, лауреатом Ленинской премии (регалий неупомянутых).

А вот главного инженера Рудикова размер фотографий интересовал меньше. У него другое хобби – научные звания и ордена. До 90 года он стал доктором наук, лауреатом Госпремии.

Зато когда научная деятельность в «Фотоне», как и во всей России, развалилась – Рудиков заблагоухал – умудрился стать членом-корреспондентом двух академий. Такие новообразования плодились со скоростью раковых клеток на останках прежней науки. И ещё принял на грудь килограмма полтора каких-то орденов – больших и блестящих.

Известно: чем незначительнее государство или организация – тем ярче и габаритнее их награды. В большинстве – платные и звучные по именам. Например, орден Спящего Льва или медаль Недремлющей Совы. Казалось, эти Львы и Совы не просто отдыхают на его груди, но устроили гнёзда и размножаются там.

Его незаживающей раной было двукратное недопущение к директорской должности. Казалось бы – кто должен взойти на престол при смене высшего лица, если не второе лицо? Ан нет!

Ускользало кресло! Интриги – что же ещё! И Рудиков принял единственно верное решение: виноград зелен! Вокруг – дураки. А он – самый умный! И, как самый умный, с кресла не вставал даже в самые тяжёлые 90-е годы.

Не такие умные, как он, главные инженеры других предприятий метались по стране, сидели в министерствах и любых закоулках, где могла свалиться со стола малая крошка, чтобы успеть клюнуть.

А Рудиков предпочитал просматривать газеты на предмет поиска объявлений о тендерах (термин «конкурс» вышел из моды, не выдержав то ли конкурса, то ли тендера) на подходящие разработки. Не учитывал одного: результаты всевозможных тендеров определялись по-чужай-совски – заранее, по откату. Заказов почти не было.

И чтобы о нём не забыли, Рудиков стал снова проводить регулярные технические совещания, где вещал и поучал неразумную паству столь усердно и велеречиво, что удостоился от Влекомова не совсем учёного звания «Великий Гуру», прилипшего к нему крепче академического.

И что совсем удивительно, «Великий Гуру» научился напрочь отказываться от своих слов и сваливать свои промахи на других. Непогрешимым стал.

А чтобы о себе не забывать, учредил малое предприятие, о коем пёкся, аки о дитяте родном.

Впрочем, тогда почти все генеральские замы и начальники отделов обзавелись малыми предприятиями. Поощрялось это повсеместно с целью сбережения кадров. Начальники отделов свои «малые дела» профилировали соответственно профилю отделов. Замы директора – по усмотрению своему, или лучше сказать – «по умолчанию» директорскому, не бескорыстному, разумеется. Директору от этого двойная выгода – замы стали не только «несушками», но и более управляемыми.

А вначале строптивость и неуважение даже проявляли. Засильев такого не прощал, «затаивал хамство». Но не слишком – сразу пускал его в ход. Натура у Ивана Семёновича такая.

Сказ о Ванечке

Дураки директорами не становятся. А обратное явление случается. Чаще всего – становятся самодурами. В «Фотоне» это явление получило диагноз «Синдром Засильева».

И это было несправедливо, ибо самым выдающимся самодуром в истории «Фотона» был второй генеральный – Родченко. Но Родченко пришёл с Северного Кавказа вполне сформировавшимся стихийным бедствием, а Засильева взрастила почва «Фотона». Но не только.

Первым признаком перерождения является крепнущая уверенность руководителя, что не образование, не компетентность, не организаторские способности, а сама должность обеспечивает ему интеллектуальное и прочее превосходство над подчинёнными.

Засильев дураком не был. Но любил им притворяться, ваньку валять. Потому многие называли его заглазно Ванечкой. А вот хамом не притворялся – был им по натуре. Натуру не переделаешь, да и скрыть её трудно.

Хамство и придурь Ванечки питались глубокой уверенностью в собственном превосходстве над окружающими. Поскольку детство его прошло в оккупированной немцами деревне, часто приходилось слышать презрительное «унтерменш» и высокомерное «юберменш». Предпочёл второе – для себя, и первое – для прочих.

В результате у Ванечки сформировался стереотип поведения «первого парня на деревне». То есть: я самый красивый! Я самый умный и сильный! Кто не согласен – тот в морду получит! В школе некоторые в этом убедились.

Поступив в Ленинградский политехнический, Ванечка слегка поумерил свой пыл – оказалось, среди студентов водятся боксёры с поставленным ударом. Этим следовало обливать холодным презрением – их ведь по башке бьют.

Один оказался особенно неприятен – боксёр, а посмел за Ликой приударить, Ванечкиной сокурсницей, на чей счёт у Ванечки были собственные намерения. А боксёр – жених первокурсный, но узкого профиля – только в деле махания кулаками. Но если даже взять одну внешность, у него постоянно синяки под глазами, а у Ванечки – глаза синие, неотразимые.

И этот настырный боксёрик мало того что не почувствовал разницы – он ещё чемпионат Политеха выиграл! Кричали девочки «ура!» и поцелуи посылали. У Лики тоже глаза поволокой подёрнулись.

Любят женщины смотреть, как мужчины дерутся. Особенно – если из-за них.

Проигравший, правда, успел наградить чемпиона хорошим фингалом. Это слегка утешило Ванечку. Но наблюдать процедуру награждения было выше его сил – повернулся и ушёл.

Организаторы наградили махальщика букетом цветов и медалью на ленточке. В раздевалке братья по перчаткам поднесли триумфатору, как и предусмотрел хитрый Ванечка, хорошую дозу анестезирующего и вдохновляющего средства, прозрачного, как слеза поверженного.

А Ванечка поболтался минут пятнадцать на улице и подрулил к уныло фланирующему комсомольскому патрулю, заскучавшему без улова. Указал на выходящего чемпиона:

– Там драка пьяных была. Вон один из них идёт!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.